

Хидан стоял спиной к Какузу, вытянув руки вперёд и растопырив пальцы. Он смотрел в небо, и, хотя доктор не видел его лица, он знал, что тот улыбается.

Он знал это точно так же, как то, что 400 футов прямо за краем утёса, на котором стоял Хидан, были неровными, острыми и смертоносными камнями.

Часть уступа рассыпалась под ногами Хидана, но он не двигался, как и Какузу.

«Как думаешь, что нужно, чтобы жить вечно?», - спросил его Хидан, его голос громкий и отчётливо слышимый, несмотря на то, что он находился в 20 футах от него и вокруг стоял грохот волн и гудящий ветер.

«Нет такой вещи», - ответил он, не уверенный, почему он вообще это сказал.

«Я знаю ...», - с грустью сказал Хидан, хотя он не грустил. Как будто он знал ответ, но всё равно надеялся на что-то другое, - «Нет такого понятия, как “особенный”. Мы все просто люди...», - он легко усмехнулся, - «Разве это не самое печальное дерьмо в жизни?», - он обернулся, улыбаясь, и повернулся к Какузу, его серебряные волосы растрепались от солёного ветра, эти проклятые розовые глаза смотрели на него и мимо него.

Почему он такой завораживающий? - Возникла мысль в голове Какузу, но будто не его, будто какой-то внутренний голос спрашивал об этом. Эти сумасшедшие, они всегда говорят больше правды...

«Ты боишься умирать?», - внезапно спросил его Хидан, делая шаг назад к краю утёса, который снова осыпался. Какузу хотел податься вперёд, он почувствовал, как его сердце подпрыгнуло к горлу, он хотел оттащить Хидана оттуда и сказать ему быть осторожным, но его тело отказывалось двигаться, одолевала паника, когда он смотрел на альбиноса. Странно ощущать панику, когда ты никогда раньше её не чувствовал.

«Я не знаю», - честно ответил он. Я боюсь, что ты умрёшь ...

«Я тоже. Но мне хотелось бы... я не знаю, что это такое», - сказал Хидан, глядя в глаза Какузу, - «Хотелось бы, потому что у меня нет иного выбора. Я бы сделал другой выбор, если бы у меня была хоть какая-то причина. Хочется быть особенным, даже если я таким и не являюсь».

Какузу только смотрел на него, пытаясь произнести слова, которые жужжали в его голове, чтобы высказать свое мнение, отругать идиота за его идеалы, утешить его, осудить, предложить ту маленькую мудрость, которая у него была. Но сейчас у него не было контроля над собой. Почему-то он это понимал, но, тем не менее, это его расстраивало. Хидан подходил всё ближе и ближе к краю. Если бы он не был осторожен, он бы упал. И Какузу был странно обеспокоен тем, насколько сильно мысль о том, чтобы жить без него, отгородила все остальные.

«Я не знаю, чего я хочу, Какузу. Это странно? Я знаю только то, чего не хочу. Но это совсем не помогает ...»

Не помогает чему? - попытался спросить он, снова безрезультатно. Ты можешь хотеть меня. Мысли возникали бесконтрольно, сами собой. Ты можешь хотеть меня, потому что я у тебя есть.

«Что такое вообще, блядь, жизнь, а? Это просто не-смерть? Мы все просто в не-смерти? Грёбанная рассудительность ... Почему всё, что убивает тебя, помогает тебе жить? А всё хорошее только... приносит боль».

Хидан сделал шаг назад, и на этот раз Какузу наконец смог двинуться к нему, его рука медленно поднялась и потянулась к альбиносу, - «Что ты делаешь?», - слова вырвались сами по себе, хотя он бы предпочёл сейчас сказать что-то совсем другое, с большим количеством ругательств и оскорблений.

«Я собираюсь это выяснить ... полагаю ...», - ответил Хидан, делая ещё один небольшой шаг, - «Для меня ты - хорошее, Какузу?»

Конечно, идиот. Я спас тебе жизнь.

«Нет.»

Что!?

«Это хорошо. И плохо. Но в основном хорошо ... Так ты можешь пойти со мной?»

Нет.

«Да.»

ЧТО!?

Хидан улыбнулся сильнее, у глаз появились маленькие морщинки. Он протянул руку, его ногти стали зелёными, как лес, на указательном пальце появилось кольцо с какой-то надписью, которую доктор не мог разглядеть. И он задавался вопросом, почему Хидан покрасил ногти, он никогда не делал этого раньше. Его собственная рука медленно потянулась к нему, и Какузу подумал про себя: «Я схвачу его, дерну к себе и точно прибью на месте».

Но, как и в случае с остальными мыслями и действиями, которые он хотел сделать, этого не произошло. Он взял Хидана за руку и подошёл к нему, схватил, притянул его ближе, и поцеловал его так отчаянно и крепко, как только мог.

Потому что забвение, смерть и неизвестность на самом деле ужасающи. И он не хотел, чтобы Хидан шёл один. Ему не нравилось быть одному, он почему-то знал об этом. И поэтому он не позволит ему быть одному. Казалось, он не мог его спасти, чтобы исправить, поэтому он просто пошёл с ним. Это ведь имеет смысл?

Какие еще сюрпризы его ожидали?

Скала разрушилась под ними, они резко упали вниз, и он зажмурил глаза. Когда он открыл их, он увидел Хидана, который, казалось, совсем не боялся, что пугало ещё сильнее. И вдруг он понял, что они не падают.

«Все дело в восприятии ...», - сказал Хидан и снова поцеловал его.

И тогда он проснулся.

«Что за идиотские сны ...», - пробормотал он, разглаживая одежду, проглотил пять таблеток аспирина и выпил десять долбанных маленьких стаканчиков воды из кулера. Зачем он заказал эти маленькие стаканы вообще? Абсолютно бесполезные...

Чертовски реалистичный сон ... подумалось ему. И ещё более бесполезный, чем те сраные стаканчики. Ему никогда не снилось ничего подобного, обычно сны были случайными и явно не содержали никакого скрытого смысла. Почему этот казался таким важным? Он всё ещё жужжал в его голове, как проклятая муха. Обычно он вообще сны не помнил, они не задерживались в его памяти, как ненужная информация.

Да и ладно. Это ничего не значит. Просто бесполезный сон, просто очередная уловка жизни, чтобы испортить ему настроение. Он пытался обдумать эту последнюю истерику Хидана. И сейчас он считал, что виноват алкоголь. Всегда виноват алкоголь.

Какузу взглянул на часы, когда проходил мимо них - было уже около 10 часов утра, и он зарычал себе под нос. Солнце уже светило через жалюзи в его кабинете, и он понимал, что уже утро, но не настолько же позднее утро.

"Почему я никогда себя не слушаю?" - задумался он на секунду, опять отрывками вспоминая дурацкий сон. Он покачал головой, чтобы отмахнуться от него. Сейчас его крайне раздражало то, что он проспал четыре часа сидя за своим столом, не в силах пойти домой и отдохнуть нормально, потому что этот проклятый идиот снова сеет хаос.

То, что вчера произошло, сбивало с толку. Он был уверен, что с Хиданом ничего страшного и ему будет достаточно выпить много воды и прочистить желудок, но оказалось всё куда серьёзнее. Этот придурок был либо весьма терпим к боли, либо достаточно упрям, чтобы

терпеть её и делать вид, что всё в порядке. Какузу был впечатлён и одновременно встревожен этим. Какой идиот будет делать вид, что всё в порядке, когда ему так больно?

Какое совпадение, а ты что делал последние три месяца?

Он с усилием выбросил эту мысль из головы и стиснул зубы.

Во-первых, Какузу злила вся эта ситуация. Он, конечно, всегда злился, но сейчас его особенно бесил психиатр Хидана, потому что он зачем-то назначил эту нелепую комбинацию лекарств, зная, что Хидан сидел на наркоте какое-то время, и беспробудно пил. Зачем назначать что-то столь опасное? Конечно, лекарства хорошо делали свою работу, пока не возникало какой-то провоцирующей стрессовой ситуации, но добавьте к ним алкоголь – и рецепт медленной смерти готов. И учитывая, сколько выпил Хидан, чёрт побери, если бы Какузу всё-таки туда не пришёл, эта ночь закончилась бы куда трагичнее. Этот невыносимый идиот, без сомнения, умер бы во сне.

Чудо или совпадение?

Он злился на Итачи, меньше, конечно, но злился, хотя это было бессмысленно на самом деле. Он вообще-то должен был знать, как опасна эта комбинация лекарств, он должен был понимать, как глупо позволять Хидану пить, не дождавшись полного выхода веществ из организма. Он понимал, что Учиха относится к Хидану с уважением, он понимал, что тот пытается сделать, но факт остается фактом: несмотря на то, что он его друг, несмотря на то, что он пытается помочь ему найти счастье, он не должен поддаваться капризам этого болвана, как родитель какого-то избалованного ребёнка, особенно если осознавал риск.

Всё равно, что позволить ребёнку выбежать на проезжую часть за своим любимым красным мячиком, когда в магазине через дорогу есть миллион таких же красных мячей.

Он тоже не был идиотом. Он знал, почему ни Учиха, ни Кисаме не отвечали на звонки. На самом деле он не злился на них из-за этого, но всё равно был несколько шокирован, насколько они иногда могут быть безответственными. Как они могли не догадаться, что может случиться? Серьёзно!

Доктор долго думал об этом и, очевидно, так и задремал. Он смог сделать единственный вывод – всё, что произошло, каждое действие и решение, в итоге, столкнуло его с Хиданом. И это казалось подозрительным.

В конце концов, острая печёночная недостаточность не так уж и страшна, если оказать помощь быстро. Это легко лечится в большинстве случаев и печень быстро восстанавливается. И единственный вариант, при котором Учиха Итачи, умный и рассудительный человек, мог позволить подобному случиться – это то, что это было сделано специально.

Конечно, это ведь вовсе не так страшно, не так травматично для них обоих, это ведь не

заставит Хидана показать свой страх и слабость, от чего у Какузу, конечно, не защежит в груди. Разумеется, это не заставит доктора захотеть проломить этим двум черепа, потому что они так играют с жизнью Хидана, и, конечно же, это не разозлит его ещё больше, чтобы задаться вопросом, какого черта он так защищает этого раздражающего идиота.

Это заставило Какузу понять, как мало он знал об этом человеке. И как мало знал о нём самом Хидан. Как можно быть так сильно одержимым кем-то, даже толком его не зная?

Он вышел из кабинета и шёл к смотровой, когда услышал громкий храп. Он предположил, что это та розововолосая бестия, и, когда он дошёл до зала ожидания, обнаружил её спящей на поставленных в ряд креслах. Доктор молча прошёл мимо зала, направляясь сразу в комнату, в которой оставил Хидана.

Невыносимая сука, скорее всего, не была частью планов Учихи, но, чёрт побери, она не только мешалась, но и помогла немного. Она вообще не затыкалась, постоянно несла какую-то чушь и ругалась так много, что слушать было невыносимо. Боже, он был готов терпеть Хидана сутками без перерыва, только бы не слышать её бред. Это лишь укрепило его убеждение, что женщины в основном бесполезны, и постоянно сводят вас с ума.

Но, как ни странно, она была полезна. Попытаться успокоить Хидана, вывести его из полубессознательного бреда и в то же время лечить в одиночку было бы затруднительно. Девчонка не была действительно сильной, но она не боялась буквально использовать каждую унцию своего веса, чтобы удержать альбиноса в нужном положении. И он, по крайней мере, мог отдать ей должное, она не проронила ни единой слезинки, и, кроме бесконечных вопросов, она не испугалась и не переусердствовала, как это часто делают женщины. На самом деле она неоднократно называла Хидана грёбаным идиотом за то, что он так себя вёл. "Пф чёрт возьми, он думает, что умирает..." - она усмехнулась, когда Хидан проснулся в прошлый раз и она успокаивала его, - "Полагаю, что "Кузу" - это ты... Как мило... но на самом деле, чёрт возьми, он так любит драматизировать".

Какузу взглянул на Хидана, всё ещё крепко спящего, и направился прямо к стойке, чтобы взять свой стетоскоп и прибор для измерения давления. Сердцебиение и пульс альбиноса были в полном порядке, и он воспользовался случаем, пока тот спит, чтобы взять у него крови из пальца на анализ уровня билирубина.

Он до сих пор был выше, чем ему хотелось бы, но уровень значительно снизился. Когда он проснётся, ему будет необходимо вывести остатки естественным образом. Но, по крайней мере, его организм больше не был отравлен.

Какузу выключил аппарат и вернулся к Хидану. Голос из сна отозвался в голове эхом. "Как ты думаешь, что нужно, чтобы жить вечно? Нет такого понятия, как "особенный". Разве это не самое печальное дерьмо в жизни?"

Так и есть, подумал Какузу. Он был врачом, его жизнь была посвящена поддержанию жизни и здоровья людей, несмотря на то, что все на этой земле были обречены на медленную смерть с

самого момента рождения. Он, как и другие врачи, был земной версией бога, изменяя судьбы людей, продлевая их жизнь, когда им бросали карту смерти. В конце концов, они всегда ловили её, такова была судьба всех, и никто не мог этого избежать.

Он стоял в комнате, делая вид, что следит за показаниями на мониторах, но на деле просто стоял у кровати альбиноса и смотрел на него.

Хидан был неправ в одном. Если бы не было такого понятия, как “особенный”, Хидана сейчас бы здесь не было. Он не смог бы пережить все свои предсмертные переживания. Он не прожил бы так долго, учитывая все его попытки обдолбаться или упиться до смерти. Конкретно эта ситуация, конечно, попадала под категорию несчастных случаев, но всё, что было до этого – определённо следствие его саморазрушительного образа жизни.

“Для меня ты - хорошее, Какузу?”

Он сказал нет, хотя хотел сказать да. Потому что всё, что хорошо для Хидана, вредит ему. А Какузу не хотел этого делать ... Он внезапно понял. Он не хотел быть наркотиком, он не хотел убивать его медленно, чтобы сделать его жизнь лучше, придать ей смысл. Но он, конечно, не хотел причинять ему боль. Почему он не мог быть и тем и другим? Разве не бывает чего-то хорошего, что не приносит боль?

Хидан, похоже, в это не верил. Какузу почему-то был в этом уверен, не зная наверняка, не спрашивая. Очередной побочный эффект слишком реалистичных снов.

Это не имеет значения, подумал он... В любом случае, эта чёртова депрессивная чепуха застряла у него в голове. Технически говоря, не было ничего действительно хорошего, что могло бы помочь. Есть меры, которые можно принимать, чтобы отсрочить смерть, чтобы поддерживать здоровье. Но... ничто не вечно.

Он по себе это знал. Сорок шесть лет, и что же? Да, он помогал людям. Скорее всего, они были ему благодарны. Возможно, дело в похмелье, или, в чёртовом сне... Но он обнаружил, что беспричинно и безмерно зол на окружающий мир, на всё, что его окружало, вообще на всё – даже на то, что не бесило раньше.

“Ты для меня тоже не хорошее...” - пробормотал он тихо, глядя на спящего человека. Его грудь поднималась и опускалась, губы слегка приоткрылись, голова склонилась набок. За снами всегда стояло так много всяких значений, теорий, странной логики. Какузу всегда делал только то, что было хорошо для него, и он не был от смерти дальше, чем кто-либо в его возрасте. Его жизнь была как прямой путь, и он спокойно шёл по нему, прекрасно зная, что он упускает и на что не обращает внимания - это последнее наблюдение, которое сделал Хидан. Мы все умрём, кем бы ты ни был, что бы ты ни делал, как бы ты ни жил.

Он смотрел на Хидана, чувствуя непреодолимое желание дотронуться до его лица. Он начал сопротивляться этому, но снова подумал о мыслях, которые только что промелькнули в его голове, и позволил себе прикоснуться к нему. Он провёл костяшками пальцев от лба Хидана

вниз по щеке, по подбородку, и задержавшись на мгновение, быстро отдернул руку, пытаясь понять, что и зачем он сделал. Как всегда безуспешно.

«Следуй за своей стрелой», - слышался женский голос, заставляя его вздрогнуть и замереть, осознавая, что он не слышал храпа Таюи в течение последних пяти минут.

Он резко повернулся к ней, не скрывая раздражения от того, что она видела, что он делал. Она, вероятно, стояла здесь и наблюдала за ним в течение последних пяти чёртовых минут, пока он был погружён в свои мысли. Ну, он не настолько глуп, чтобы делать вид, будто ничего не произошло. В любом случае, кто она такая, чтобы судить, она недавно полчаса сидела и объясняла, насколько легче быть с женщинами, чем с мужчинами.

Таюя прислонилась к двери, скрестив руки на груди, небрежно скрестив одну ногу с другой. Она была сонная, под глазами залегли тёмные круги, - «Мне показалось, что между вами происходит что-то подозрительное. Тебе повезло, что я умею держать рот на замке».

Он поднял бровь, - «Ты? Рот на замке? Не смей меня».

Она слегка рассмеялась и посмотрела на спящего альбиноса, - «Кейси Масгрейвс. Хид не любит её, потому что она поёт кантри, а ещё он не любит женские голоса...», - она снова засмеялась, - «Чёрт возьми ... Но это одна из моих любимых песен ... Я имею в виду, "Follow your arrow"».

Она наклонилась вперёд, будто засыпала на ходу, и качнулась, подходя к кровати. «Она поёт немного уныло, но её песни вдохновляющие. Мне она нравится, она поёт о чём-то жизненном, понимаешь... », -она повторила то, что только что сделал Какузу, поглаживая своими маленькими женственными пальцами другую сторону лица Хидана.

На его лице появилась злость. Она не могла так прикоснуться к нему, чёрт возьми, хоть она и убеждала всех вокруг, что её не интересуют парни, это было интимное прикосновение, а Хидан принадлежал ему, и она не смела так к нему прикоснуться .

«Эта песня напоминает мне о нём. Что-то, что он сказал бы. "Будет плохо, если ты этого не сделаешь, будет плохо, если сделаешь, так что просто делай и не жалеешь ни о чём. Целуй много парней, или целуй много девушек, если тебе это нравится" ... », - легко пропела она отрывок из песни, поворачиваясь к Какузу и улыбаясь, - «Когда станет слишком сложно, скрути косяк, и следуй за своей стрелой, куда бы она ни указывала», - замечая выражение лица доктора, её улыбка пропала, и она повернулась к Хидану, кивая.

Какузу долго смотрел на неё, раздраженный тем, что она больше ничего не сказала и продолжала спокойно смотреть на альбиноса, совершенно не тронутая пламенем, в котором он взглядом пытался её сжечь. Почему женщины вечно себя накручивают? Как будто им необходимо делиться со всеми своими эмоциями, выплёскивать их наружу, как чёртово конфетти.

Или это было какое-то идиотское демонстративное соревнование? Я знаю его лучше, поэтому я люблю его больше. О, посмотри на себя, ты женщина, и ты эмоциональна по отношению к мужчине, хотя и утверждаешь, что не испытываешь к нему влечения. Как удивительно...

«Однажды он сказал, что очень расстроен тем, что не может умереть...», - тихо пробормотала она, - «это было первое, что я услышала от него, когда мы были на групповой терапии в Праривью. Они спросили его, почему, по его мнению, он здесь, а он сказал "потому что я чертовски плох в том, чтобы сдохнуть". А я смеялась, потому что думала, что он просто дурак. Но потом он пристально посмотрел на меня, и терапевт попросил его объяснить подробнее, он закатил глаза, фыркнул и продолжил: "Я продолжаю пытаться умереть, но по какой-то проклятой причине я просыпаюсь на следующий день живым. И именно поэтому я здесь". И психотерапевт спрашивает его, почему он хочет умереть. И большинство людей, которые ходят в такие места, говорят одно и то же, знаешь. Я имею в виду, именно поэтому они все там, потому что они пытались убить себя. И поэтому, когда та сука спрашивает его, конечно, я ожидаю, что он будет смотреть на неё сурово, глубоко и таинственно и скажет что-то типа А, какой смысл в жизни?, но он этого не делает, он пожимает плечами и говорит ей, что "отчаянно боится собственных желаний". И в этот момент я думаю, что этот парень - один из тех людей, которые либо совершенно сошли с ума и бесполезны для общества, либо он один из тех особенных людей, которые будут оказывать какое-то безумное, глубокое влияние на каждого человека, с которым он столкнётся. И, думаю, ты догадываешься, каким он оказался».

Какузу отвернулся от неё с брезгливым выражением лица и сосредоточился на Хидане.

«В итоге мы стали друзьями. Вы либо любите его, либо ненавидите, но никто не может просто не обращать на него внимания. Даже если он не делает ничего экстравагантного, ты всё ещё помнишь сумасшедшего ругающегося парня, бегающего полуголым. Я думаю, это важно, и я думаю, он знает, что он действительно особенный человек, и я думаю, это его и пугает».

«Твоя философская ахиня меня уже задолбала», - наконец сказал Какузу. Ему не нравилась эта нежность в её голосе, когда она говорила о Хидане, ему не нравилось, что она знала о нём то, чего он не знал, и ему определенно не нравилось это скрытое маленькое послание. Вы либо любите его, либо ненавидите. Что ж, это было правдой, стоило признать. Но она его явно не ненавидела ...

Какузу просто хотел, чтобы она заткнулась. Ему не нравилась идея существования Хидана до того, как он его встретил, как бы нелепо это ни звучало. Конечно, у него было прошлое, но он не хотел слушать о нём от чужих людей. Мнения других людей и мысли о нём не имели значения, особенно тех, на кого ему было наплевать.

Таоя только закатила глаза и улыбнулась грустной улыбкой, - «Да. Вы двое определенно созданы друг на друга. Упрямые, тупые ублюдки».

Она внезапно потянулась и три раза ударила альбиноса по щеке, - «Эй эй проснись и пой, СУЧКА!», - рявкнула она. Хидан фыркнул и вздрогнул, он открыл глаза, но сразу закрыл из-за яркого света. Откинул голову и пробормотал что-то невнятное.

Таюя снова посмотрела на Какузу, весело улыбнулась и снова начала напевать какую-то сопливую ерунду, выходя из комнаты.

«Что за херню она несёт?», - простонал Хидан, не открывая глаза, - «Кажется, мне нужно ведро, Тачи ...»

Потолок зверски кружился. Он хотел открыть глаза, но казалось, что каждое веко весит как чёртов слон.

Рука, схватившая его за плечо, подтянула его в вертикальное сидячее положение, он попытался сказать, что не следует этого делать, потому что его тошнит. Но стоило ему открыть рот, как страшная режущая боль пронзила его желудок и его вывернуло. Сразу же ему на колени поставили что-то пластмассовое и плоское, и когда его прекратило выворачивать, он облокотился головой на руку, до сих пор его державшую.

«О, блядь ...», - проскулил он, - «Моя любовница - изменчивая сука...», - пытаюсь отдышаться, ляпнул он, наверняка какую-то строчку из песни.

«Думаю, я бы хотел встретиться с этой любовницей ...», - ответил низкий голос, определённо не голос Итачи, давая ему сил наконец открыть глаза, вздохнуть и держать себя в вертикальном положении самому. Он посмотрел в глаза своему боссу и быстро заморгал, вспоминая всё, что случилось прошлой ночью.

«...и свернуть ей шею», - продолжил Какузу со строгим выражением лица. Хидан покраснел, когда вспомнил, где он и почему.

«Я алкоголь имел ввиду, чёрт побери», - прохрипел он, сильно смущаясь, чувствуя, что его опять тошнит.

«Как и я», - сказал Какузу, хватая Хидана за запястье, - «А может и нет», - он взял ватный шарик, и одним плавным движением оторвал ленту, удерживающую капельницу в его вене, вытащил иглу, прижал ватный шарик к месту укола и снова прилепил ленту. Снял с пальца непонятную прищепку и прицепил её на запищавший аппарат рядом со стулом, на котором сидел. Хидан поморщился, он работал здесь почти четыре месяца, но до сих пор не знал названий всего этого медицинского дерьма.

Он наблюдал, как доктор кружится вокруг него, ходит по комнате, чтобы положить иглу в красную пластиковую коробку, убрать вату, выключить монитор... Он рассеянно повёл взгляд по широкой спине Какузу к его заднице, задерживаясь там, пока он не осознал, что он действительно продолжает смотреть, пытаюсь разобраться во всём, что произошло. И пытаюсь

придумать, что сказать. Точно, они целовались, Какузу он нравился, а потом он просто шёл и вдруг чуть не умер, хотя на этот раз он даже не пытался. Что это, чёрт возьми, было? Грёбаная печёночная недостаточность ... серьёзно?

Что, блядь, это было? Про себя спросил он. Это какой-то знак?

Если да, то что это был за знак? Потому что он определённо больше не хотел умирать. Почему это удивило его, он не был уверен. Но чувствовал он себя немного легче. Конечно, он почувствовал немного того раздражения из прошлого, что у него опять не получилось умереть, но всё же сейчас всё было иначе, он не пытался. Конечно, его всегда спасали врачи, но сейчас ему казалось очень важным то, что именно Какузу спас его.

«Я ... э-э, я рад ...», - сказал он, сразу желая вернуть свои слова назад. Какузу ничего не сказал, и поэтому Хидан поднял голову, чтобы увидеть его реакцию, но тот только вопросительно поднял брови. Он застенчиво улыбнулся и пожал плечами, - «Верно... Я тоже не знаю. Это странно. Обычно, когда я просыпаюсь после таких ситуаций, я такой, типа “ну вот, опять...”, а сейчас я не знаю, что сказать, потому что я рад».

«Ты счастлив, что чуть не потерял свою жизнь?»

«Нет, придурок. Я рад, что я вообще очнулся».

Какузу вздохнул и покачал головой, - «Ты идиот»

«Ага, но ты тоже. Ты это признал прошлой ночью, я помню», - сказал он, постукивая пальцем по виску. Его улыбка быстро исчезла, потому что Какузу не сдвинулся с места и продолжал строго смотреть. Всплывает воспоминание о руках Какузу, они обхватывают его, прижимают к столу, привязывают руки, держат его за задницу, проверяют пульс, давят на него, давят на живот, тянутся к молнии на джинсах, нащупывают вены, умело втыкают иглу, но всё равно оказываются в его крови. Кажется, воспоминания слегка спутались...

Он посмотрел вниз на футболку, слава богу, она была чёрной, крови на ней почти не видно. Он вспомнил, как яростно боролся с доктором, не понимая, что происходит, думая, что он всего лишь случайный врач, который снова спасёт ему жизнь, а потом отправит в адскую психиатрическую лечебницу, которая разрушит всё, что он сумел построить за время своего пребывания в этом маленьком городке. Это дало бы Какузу законную причину уволить его, и он представил себе, как его босс и Итаци разочарованно качают головами, поворачиваются и уходят, - «Я думал, что я ... в больнице ...», - смущённо признался Хидан.

«Я знаю», - ответил Какузу ровным голосом, скрестив руки.

«Да. Я не пытался, знаешь, убить себя ...»

«Я знаю»

«И заставить тебя заботиться обо мне ... снова ...»

«Я знаю»

Хидан нахмурился, - «Не мог бы ты заткнуться, чёрт возьми! Я тут пытаюсь тебе спасибо сказать, за спасение моей сраной жизни, а ты ведёшь себя, как сволочь!»

«Я знаю...»

Хидан разозлился, - «Ты такой вредный говнюк»

Какузу улыбнулся, сдерживая желание смеяться, - «Я знаю»

Хидан улыбнулся тоже. Он снова заставил Дьявола улыбаться, - «Ты, я смотрю, вообще всё знаешь, а?»

«Нет. Если бы я знал всё, я бы тебя не нанял»

«Ааа, но ты не жалеешь об этом, вредина? Не отрицай, ты меня хочешь. Я тебе нравлюсь».

«... Я знаю ...», - тихо сказал он, забирая у Хидана из рук контейнер, - «Иди в душевую, приведи себя в порядок. Я вызову такси, чтобы отвезти нас обратно к моей машине, потом отвезу тебя домой и избавлюсь от тебя наконец».

Хидан щёлкнул языком, но сделал, как ему было сказано, резко поднимаясь с кровати. Колени снова собирались подогнуться, он был очень слаб сейчас, и уже приготовился встретиться лбом с полом.

Но он не упал, потому что Какузу быстро появился прямо перед Хиданом, подхватил его под руки и удержал.

Хидан инстинктивно вцепился руками в плечи Какузу. И в этот момент ему вдруг захотелось громко смеяться. Честно говоря, он понятия не имел, почему, просто случайный прилив счастья. Он выглядел так по-другому, хотя он был точно таким же. Он стоял здесь, держа его, и это было так естественно, хотя буквально всего лишь день назад, окажись он в любой позе, даже отдалённо похожей на эту, он покраснел бы, как девчонка и попытался бы убежать куда глаза глядят.

Казалось, прошло гораздо больше, чем день. Но опять же, у Хидана всегда было ужасное

чувство времени. Все казалось бесконечно долгим. Он не мог поверить, что прошло всего несколько часов с тех пор, как он узнал, что тоже нравится Какузу. И сейчас было такое ощущение, будто он знал об этом всегда... Какого чёрта он так боялся? Что такого было в этом человеке, что он так боялся отказа? Было ли это частью влюблённости? Оно всегда так происходит? Надо будет спросить у Итачи...

О чёрт... Итачи. В курсе ли он, что произошло? Где, чёрт возьми, он был? Почему он не позвонил?

«Ты не отвёз меня в обычную больницу...» - пробормотал он внезапно, не понимая, почему он это сказал, когда он, вообще-то, хотел спросить про Итачи.

«У меня здесь есть всё, что нужно, чтобы не дать тебе сдохнуть. Не думай, что я не выставлю тебе счёт».

«Когда тебе звонят с чрезвычайной ситуацией, ты всегда говоришь звонить в 911, ты никогда не принимаешь их здесь ... Но меня ты привёз сюда. Почему ты просто не закинул меня в скорую?», - сказал Хидан, опять вместо того, чтобы спросить, где, чёрт возьми, Итачи и почему он не сидит здесь. Хидан представил, что он наверняка будет нервничать, драматизировать и винить себя в случившемся.

«Кажется, я уже объяснил, почему».

«Нет, не совсем», - ответил альбинос, глядя на Какузу. Ну что ж, он сожжёт этот мост, когда доберётся до него. Он не собирался устраивать ещё одну сцену, когда её можно было так легко избежать. Однако ему было любопытно, почему Какузу принял решение спасти его лично, и он продолжал настаивать, - «Любой другой просто вызвал бы скорую».

Какузу убрал руки и отпустил Хидана, уже способного стоять самому, и прошёл мимо него, заставляя следить за ним взглядом, - «Ты слишком много думаешь для того, кто только что чуть не помер».

«И тем не менее».

Какузу хмыкнул, будто соглашаясь. Хидан нахмурился, заставляя себя оставаться терпеливым, - «Ты не ответил на мой вопрос, вредина», - и Какузу вдруг остановился и уставился на него так пристально, что на мгновение Хидан немного испугался. Он не знал, чего именно испугался, но смотрел в ответ решительно, ему так хотелось знать, о чём думает этот человек. Чёртов говнюк.

«Я не “любой другой”», - наконец сказал Какузу каким-то странным спокойным голосом. Хидан моргнул от теплоты, которая распространилась по нему, делая всё возможное, чтобы она не достигла его лица. Ему нравилось непринужденно разговаривать с вредным Какузу, это заставляло его чувствовать себя таким... особенным, потому что этот человек, которого

считали самым бессердечным и злобным мудаком, почему-то, из всех грёбанных людей, любил именно его, Хидана. И хотя доктор всё ещё злился порой, упрямылся и вредничал, это всё уже было как-то по-другому.

Очевидно, доктор не был таким большим засранцем, каким пытался казаться. В конце концов, он же врач, чёрт возьми, хладнокровный и рациональный. Правда Хидан не думал, что это может мешать как-то показывать свои чувства. Нет, скорее он просто не хотел их показывать.

Но напрашивался вопрос: почему?

И в этот момент Хидан пришёл к выводу. Ему просто придётся узнать о нём всё. На это потребуется время, усилия и, возможно, терпение, а это уже его бесило. Но он был ревностным человеком, и он ощутил прилив вдохновения. Теперь доктор был в его власти, и Хидан проклял бы самого себя, если бы отпустил его. Как он сказал Итаци после той первой ночи, Бог послал этого человека в его жизнь по какой-то причине, только видимо не по той причине, которую он предполагал изначально. Может, для того, чтобы просто спасти его именно в эту ночь, а потом исчезнуть навсегда... Он почувствовал лёгкую панику от этой мысли и закрыл глаза, медленно моргая, стараясь дышать глубоко, чтобы успокоиться.

Это было странно, Какузу вызвал подобную паническую атаку у него в первый день. Это была та же самая паника, которую он испытывал каждый раз, когда думал о возможности больше не видеть этого говнюка. То же самое ощущение, та же тревога ...

Какузу наклонился, чтобы достать из-под раковины дезинфицирующие салфетки, которыми Хидан всегда убирал смотровую, - «Убери свою задницу с глаз моих и собирайся. И скажи своей подруге, чтобы она тоже собиралась»

Хидан моргнул, чтобы развернуться. Ах да, Таюя тоже была здесь. Она кричала на него и называла его идиотом всё это чёртово время, пока он был в бреду, говорила ему, что он не умирает, и, значит, он всё-таки нёс какую-то ахинею.

Он всё-таки покраснел, и быстро выскочил из двери в душевую. Чёрт, ему правда следует чаще слушать других людей ...

Однако дверь в душевую была заперта, и звук текущей воды изнутри заставил его подумать, что там Таюя. Поэтому он прислонился к стене рядом с дверью и замер, глядя на стену. Его всё ещё мучила тошнота, но это уже было похоже на обычное обезвоживание от похмелья. Он мог только догадываться, помогли ли лекарства, которые Какузу накачал ему в вены, от головной боли... и к слову, разве капельница не вылечила бы его обезвоживание?

«Поторопись там, сука, я щас блевану», - громко сказал он, стуча кулаком в дверь. Она распахнулась через мгновение, и оттуда выскочила Таюя, выглядевшая крайне измотанной.

Она мягко улыбнулась ему, и он заметил, что у неё покраснели глаза. Она плакала?

«Ну, добро пожаловать обратно в мир живых, придурок», - сказала она, тяжело вздыхая и зевая, - «Говорила же, не помрешь»

«Ага, поэтому ты так орала, да?», - он улыбнулся. Это обычная колкость, которыми они постоянно обменивались, но сейчас он заметил, что что-то дрогнуло в её глазах.

«Ты бы хотел, чтобы я рыдала над тобой, идиотом. Хрен там был. Чёрт возьми ...», - она засмеялась, слабо ударяя его в плечо, - «Это за то, что я проторчала тут и спала на стульях, чёрт побери. И ты прав, твой босс - долбаный король мудаков».

Хидан фыркнул от смеха и с некоторым усилием оттолкнулся от стены, чувствуя боль в каждой мышце, будто он сделал какую-то жёсткую тренировку прошлой ночью. О, подожди... он танцевал часами напролёт и пел на сцене, а потом его чуть не трахнули на кухонной стойке, а потом он чуть не помер...

Он улыбнулся про себя. О да, адская вечеринка...

«Он совсем не плохой... Особенно когда начинаешь понимать скрытые смыслы его слов».

«О, да? Что за скрытый смысл в "Заткнись нахуй или я тебя тоже сейчас вырублю!"?»

«Ну, очевидно, это означает, что он хотел бы выпить с тобой чаю», - Хидану каким-то образом удалось сохранить серьёзное выражение лица, пока он это говорил, хотя ему очень хотелось заржать, когда он оттопырил мизинец и притворился, что пьёт из миниатюрной чайной чашки.

«Боже мой, ты такой придурок», - сказала Таюя, отворачиваясь, - «Давай быстрее, чтобы я уже наконец могла лечь спать на диване и страдать от похмелья».

Хидан молча смотрел ей вслед, пока она не обернулась, чтобы убедиться, что он её услышал. Он бросил на неё ещё один вопросительный взгляд, уловив, что что-то явно беспокоит её, но, честно говоря, ему было совершенно плевать, что.

«Да, Какузу собирается взять такси до своей машины, и сам отвезёт нас домой...», - ответил он.

Она только хмыкнула в ответ, затем ахнула и резко развернулась, - «О, ЧЁРТ! Мы забыли твою гитару там!»

Он моргнул, - «Да? А, ну, Итачи, наверное, забрал. Он обычно следит за подобными нюансами...», - отмахнулся он и ушёл, наконец, в душевую.

«И я отдал бы вечность, чтобы прикоснуться к тебе... Потому что я знаю, что ты каким-то образом чувствуешь меня».

«О, БЛЯ, ДА!», - Хидан вдруг закричал, наклоняясь вперёд, чтобы увеличить громкость радио в машине Какузу, - «Чёрт возьми, люблю эту песню!»

«Ты серьезно?», - сказала Таюя, наклонившись вперёд между сиденьями, чтобы посмеяться над своим другом, пока Какузу молча бесился. Господи, такое ощущение, будто он отец двух дурных школьников. Как, чёрт возьми, люди обычно это терпят?

«Ты ближе к небесам, чем я когда-либо буду... и я не хочу идти домой прямо сейчас...»

«Что? Не говори, чёрт возьми, что тебе не нравится эта песня. Это невозможно».

«Конечно нет, всем в мире нравится эта песня!».

«Так а чего орёшь тогда!?»

«И все, чем я могу наслаждаться, - это этот момент... И все, чем я могу дышать, - это твоя жизнь...».

«Меня это просто бесит, понимаешь. Многие песни нравятся почти всем, но ведь люди должны иначе воспринимать музыку, она должна значить что-то, для каждого своё, а в итоге такое чувство, будто все ощущают одно и то же».

«Все равно рано или поздно это закончится, я просто не хочу потерять тебя этим вечером...»

«Пф, ты слишком переоцениваешь музыку, ты в курсе? Это просто хорошая песня», - сказал Хидан, возвращая громкость на максимум, и заканчивая разговор. Какузу прищурился, пальцы побелели, когда он нервно вцепился в руль.

Эти двое препирались друг с другом всю дорогу. Они правда могли бы быть братом и сестрой. Доктор был слегка встревожен тем, насколько они похожи, и хотя мысль об этом злила его, он не мог не задаться вопросом, почему, чёрт возьми, эти двое были только друзьями.

Он ясно видел, что у Хидана к ней вообще не было никакого интереса. Он просто был как старший брат. Но насчёт неё он не был уверен. Женщины хитры, они никогда не показывают свои истинные эмоции, они прячут их за слоями, лживыми эмоциями и полуправдой. Она сказала, что они просто друзья, говорила, что не интересуется парнями и Хидан её тоже не интересуется. Она снова и снова заявляла о своём предпочтении девушкам, без всякой на то необходимости, подумал Какузу, а потом опять продолжала говорить о Хидане.

Какузу был так рад, что наконец-то преодолел себя и перестал вести себя подобным образом. Как же это унизительно.

«И я не хочу, чтобы мир видел меня! Потому, что я не думаю, что они смогут понять!», - Хидан начал громко подпевать, выдёргивая Какузу из мыслей. Ему вдруг захотелось улыбнуться. Потому что это было восхитительно. Видеть Хидана застенчивым было одно, это было мило и всё такое, но видеть его возбуждённым и уверенным было намного естественнее, и ему это нравилось.

Не помогало и то, что Какузу был будто загипнотизирован его голосом... Опять.

«Когда все создается для того, чтобы быть разрушенным, я просто хочу, чтобы ты знал, кто я такой...»

Хидан вложил в эти слова эмоции и смысл, как и всегда, когда пел. Было трудно не слушать, трудно не чувствовать что-то тоже, каким бы тоскливым ни было это чувство. Это была действительно популярная песня, и он уже много раз слышал её по радио, но никогда раньше не обращал на неё внимания. Хидан сделал её интересной, как и всё остальное. Таюя была права, у песни был своего рода широкий спектр, она могла понравиться любому. Это то, чего все хотели нынче, верно? Быть "понятыми". Кучка нытиков...

Хидан не был исключением, подумал Какузу. Но он не выпрашивал внимание. На самом деле, он был довольно безразличным, как будто он был единственным, кто игнорировал мир. Хидан не был сосредоточен на том, чтобы человечество понимало его, он пытался понять мир, жизнь и все её жестокие испытания... И, возможно, именно поэтому общество сочло его сумасшедшим... Почему эта идея показалась доктору столь приемлимой, он не знал. С каких это пор Хидан вдруг превратился из инфантильного идиота в своего рода бунтующего гения?

Его раздражение внезапно нахлынуло на него, когда Таюя протянула руку между сиденьями, чтобы уменьшить громкость, - «Да, да, мы поняли, ты, блядь, выпендриваешься. Ты неплохо поёшь, окей».

«Че. Это не то, что ты вчера говорила. Ты была в восторге».

«Я тебя умолю, я просто радовалась плодам своих трудов. Я, очевидно, охуенный учитель».

«Это бог подарил мне мой талант, ты, блядь, богохульница».

«О, опять ты со своим воображаемым другом!»

«Сука, я только что чуть не помер. Я видел некоторое дерьмо*. Так что не носи херни».

«Да, спасибо твоему боссу», - фыркнула она, - «Он твой грёбаный Бог, а не какой-то

выдуманный чувак».

Хидан замер и уставился на Какузу, который следил за дорогой и чувствовал на себе этот взгляд, и ему так хотелось повернуться и посмотреть Хидану в глаза. Но он не повернулся, не хотел показать свою благодарность этой розововолосой девчонке. Во-первых, он ненавидел её и не хотел доставлять ей удовольствие. Единственная причина, по которой он не срывался на ней и не довёл её до истерики, как любил делать со своими сотрудницами раньше, это то, что она была в меру полезна. Но честно говоря, ему просто хотелось выкинуть её из машины, чем слушать эти чёртовы препирательства всю дорогу.

До дома Учихи оставалось всего пару кварталов.

«Ты Бог, Какузу?», - спросил Хидан, заставляя того напрячься из-за того, что этот вопрос был пугающе похож на вопрос, который Хидан задал ему во сне, и тон его голоса был идентичен.

«Если бы существовал Бог, он вряд ли использовал бы меня в качестве посредника», - коротко ответил он. Теперь он рискнул быстро взглянуть на Хидана и сразу отвести взгляд обратно на дорогу. Альбинос просто сверлил в нём дыры своими розовыми глазищами.

«Чёрт, это скучно», - пробормотала Таюя, плюхаясь на свое место, - «Ты слишком серьёзный постоянно».

«Серьезно...», - пробормотал Хидан, опуская плечи и как-то угрюмо смотря в окно.

До дома они доехали в тишине, не считая играющего радио, и Какузу припарковался у дома. Таюя тут же вылезла из машины, схватила гитару Хидана, которая, как оказалось, лежала в незапертой машине Итачи (как безответственно, мистер Учиха!), и дошла до лужайки. Она обернулась, чтобы вопросительно посмотреть на Хидана, когда поняла, что он за ней не идёт. Они обменялись каким-то взглядом, который заставил странное беспокойство заскрести в душе у Какузу, и она отвернулась, закуривая сигарету.

Хидан повернулся к нему.

Они смотрели друг на друга.

«Лжец», - уверенно заявил Хидан, Какузу удивлённо смотрел в ответ.

Хидан только закатил глаза и провел рукой по растрепанным волосам, - «Я знаю, что все думают, что это странно и тупо, когда я начинаю нести всю эту религиозную чепуху, но это не меняет дела...»

«Если ты пытаешься сказать что-то, Хидан, скажи прямо. Я устал...»

«Ты - Бог. Точнее, в некотором смысле, каждый врач - миниатюрный бог. Но ты, ты особенный. Потому что ты мой. Ты можешь быть моим Богом? Я бы с этим согласился...».

Какузу поднял бровь, сопротивляясь этому проклятому стеснению в груди и такому сильному жгучему желанию заткнуть этот болтливый рот своим, - «Не помню, чтобы я подписывал какие-то бумаги, в которых значится, что я твой», - сказал он, старательно подбирая слова, чтобы не казаться таким удивлённым. Теперь, когда они открыли друг другу свои чувства, Хидан вообще потерял всякую покорность. Делать такое заявление, когда они вообще едва знали друг друга... Ты можешь быть моим Богом? Идиот, он вообще понимал, что это за невероятное утверждение?

Хидан только улыбнулся ему такой улыбкой, от которой у Какузу захватило дух.

«Все дело в восприятии, вредина», - сказал Хидан, словно читая мысли доктора, внимательно глядя в глаза Какузу, пока тот оставался в ещё более ошеломлённом молчании.

Просто невозможно. Он просто это сказал. Это было всё, о чём Какузу мог думать, снова и снова, даже когда Хидан потянулся к нему и поцеловал, долго и похотливо. Доктор не упустил из виду румянец на щеках альбиноса, когда тот отстранился и быстро выбрался из машины. Он понимал, что происходит, но никак не мог заставить себя отреагировать.

«Спасибо за ... ну, знаешь ... за то, что спас меня и всё такое. Увидимся в понедельник», - быстро сказал Хидан, захлопнув дверь и развернувшись, чтобы быстро дойти до Таюи. Даже сквозь закрытую дверь он слышал, как идиот кричал на неё, чтобы она не дышала на него дымом.

Ему удалось наконец переключить передачу и нажать на педаль газа, в основном на автопилоте. Чёрт бы побрал этого Хидана. Они ходят вокруг да около и избегают чувств друг друга всё это время, одинаково страдая и мучаясь, заставляя себя поверить, что это неправильно и никогда не произойдёт. А потом это всё равно происходит.

И вдруг он ведёт себя так, будто это самая естественная вещь в мире. Как будто эта близость смерти дала ему какое-то прозрение, то, что Какузу спас его жизнь, сразу подавило всю неуверенность и неловкость, будто это сразу стёрло тот факт, что у них большая разница в возрасте, что они совсем разные. Все убеждения и оправдания были просто стёрты, потому что этот придурок напился?

Чёрт возьми. Чёрт бы побрал этого идиота и самого себя за то, что нашёл в этом всё какое-то болезненное удовольствие. Он был слишком стар для этих чёртовых бабочек в животе...